

тех мероприятий, которые были организованы распорядительницами с согласия Фроста.

День выдался серый, пасмурный и дождливый. Все жаловались на плохую погоду, на холодное и сырое лето. Несколько американских корреспондентов встретили нас в вестибюле гостиницы после завтрака. Дождь шел всю ночь и еще продолжал моросить. Небо хмурилось. Из-за мокрого асфальта и бетона город казался мрачным. Улицы были безлюдными.

После почти безнадёжного плутания среди грязных пустырей в районе, незнакомом нашему водителю, где одни дома были снесены, другие строились, мы отыскивали среднюю школу № 7 “с английским уклоном”. Мы вошли неуверенно, и начавшаяся вокруг суматоха еще больше убедила нас в том, что мы явились некстати. Очевидно, нас, как гоголевского ревизора, и ждали и не ждали одновременно.

Фрост сперва вообще не хотел ехать, но потом все-таки согласился. Дело в том, что несколько его стихотворений были отобраны и переложены для детей; он любил своих внуков и детскую непосредственность, и к тому же, побывав накануне в гостях у Чуковского, поэта номер один для русской детворы, он сознавал общественную значимость этого визита. Однако он с самого начала боялся, что его не поймут.

Директриса представляла собой в некотором роде законченный экземпляр. Фрост сразу инстинктивно от нее отшатнулся. Все стены в коридорах были увешаны призывами, девизами и английскими поговорками о правилах хорошего тона. Младшеклассники, к которым мы зашли в первую очередь, были огорошены появлением седого иностранца. Через несколько секунд мы ретировались и, предварительно заглянув в класс постарше, наконец добрались до семиклассников.